

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С. Г. ВОРКАЧЕВ
(Краснодар)

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА
И ЭМОЦИИ В КОММУНИКАТИВНОЙ
СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

На материале корпусной лингвистики исследуется функционирование показателей отрицательной интеллектуальной оценки в позиции обособленного приложения. Устанавливается, что здесь интеллектуальная оценка осложняется рефлексамми этической и дезидеративной оценок, а также разнообразными вторичными эмоциями, конкретный характер которых зависит от типа коммуникативного контекста.

Ключевые слова: интеллектуальная оценка, вторичная эмоция, обособленное приложение, коммуникативный контекст.

Как показывают наблюдения (исследование проводилось на материале «Национального корпуса русского языка» [8]) над функционированием показателей интеллектуальной оценки в составе высказывания в позиции обособленного приложения [5, с. 225–245], для разведения близких по смыслу эмоциональных состояний, вызываемых у субъекта оценкой изменения ситуации, отраженной в пропозиции этого высказывания, в благоприятную либо неблагоприятную сторону [6, с. 45–460], помимо всего прочего в некоторых случаях необходимо включение в толкование эмоции фактора коммуникативного лица. Нужно заметить, что эмоции здесь чаще всего «встроены» в различные семиотические акты и акты вынесения этической оценки, которые они сопровождают и семантически «осложняют».

В функции приложения – определения, выраженного именем существительным, неособоленного и обособленного, из всех показателей оценки познавательной способности употребляются преимущественно имена лиц, мотивированные соответствующими прилага-

тельными, с суффиксами *-ец, -ак, -ик / -ица* – «дурак», «глупец», «умник», «умница».

Общеаксиологическая оценка «хорошо – плохо», присутствующая изначально в семантике показателей оценки познавательной способности, в контекстах их речевого использования конкретизируется и осложняется, в первую очередь, частнооценочными значениями интеллектуальной оценки [2, с. 75], а также (в зависимости от лица определяемого и протагониста, грамматических параметров высказывания, в составе которого они появляются – времени, наклонения и коммуникативной установки, предикативного знака) рефлексамми этической оценки, имплицитной дезидеративной оценки [3, с. 89–90], находящими свое выражение в соответствующих речевых и поведенческих актах.

Предикатные существительные «дурак» и «глупец» в речи передают бранность-уничижительность и тем самым включают в себя общеаксиологическую оценку «хорошо – плохо», которая, собственно, в случае интеллектуальной оценки выступает «причиной» самых разнообразных и трудноразличимых вторичных, оккультурных эмоций субъекта (см.: [1, с. 362, 368–370]). Конкретный характер эмоциональных состояний, вызываемых у субъекта интеллектуальной оценкой, зависит от множества семантических и коммуникативных факторов, из которых решающими представляются знак оценки (плюс или минус, позитивность – негативность) и вектор ее направленности: выносится она в рефлексивных, прямооценочных контекстах, где субъект оценки совпадает с протагонистом поступка, либо в косвеннооценочных контекстах, где субъект оценки отличается от протагониста поступка.

Поскольку в речи при употреблении предикатных существительных интеллектуальной оценки в позиции обособления явно преобладает отрицательная оценка, представляется целесообразным рассмотреть речевое употребление лексем «дурак» и «глупец». Естественно, в позиции обособленного предикатива интеллектуальной оценки могут появляться такие синонимы «дурака / глупца», как «кретин», «идиот», «дебил» и пр. Поскольку, опять же, при употреблении предикатных существи-

тельных интеллектуальной оценки в позиции обособления семантическая структура вызываемых у субъекта этой оценкой эмоциональных состояний наименее сложна в нерелексивных, косвеннооценочных контекстах, то представляется целесообразным начать с анализа речевого употребления лексем «дурак» и «глупец» в позиции обособленного определения протагониста в третьем лице. Эмоции, вызываемые у субъекта интеллектуальной оценкой, в достаточной мере специфичны, обременены коммуникативными смыслами, и лишь в малой части своей семантики совпадают с выделяемыми в психологии базовыми эмоциями, такими как интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение и страх.

Как установлено, эмоциональные состояния человека могут дифференцироваться по интенсивности, отличаясь друг от друга в границах соответствующей семантической области по «силе» – степени переживания и проявления. Предикатные существительные интеллектуальной оценки в позиции обособления в непрямых контекстах речевого употребления передают, прежде всего, просто «слабую» эмоцию общего негативного отношения субъекта к некоему событию, тем или иным образом задевающему его интересы. Эмоция эта в достаточной мере семантически неопределенна и в русском языке получает имена «неудовольствия» и «недовольства»: *Объясни ему, дураку, что лучше всего идут синтетические шубы под норку* (Довлатов). «Сильная» форма этой эмоции выглядит как раздражение и злость, о чем, кстати, свидетельствует появление таких интенсивов «дурака», как «идиот» и «кретин»: *Да, уволился, дурак! Дело с бабой попутал, идиот! На маршрутку водилой пошел, кретин!* (Соломатина). Если отрицательная эмоция, вызываемая у субъекта оценки неким событием, связана с нарушением протагонистом этого события каких-либо норм (прежде всего, социальных), то она «встраивается» в ментальный акт осуждения, зачастую осложненный чувством собственного морального превосходства, который, вербализуясь, принимает форму порицания: *Кто-то стрелял в лосенка и ранил его. Стрелял браконьер, дурак. Он знал: лосей бить запрещено* (Коваль). Сильной формой эмоции, встроенной в акт осуждения, выступает гнев: *Он приехал, Лара, вся в слезах, рассказала ему обо всем, Борис сказал: – Да я убью его, дурака!* (Слаповский).

«Дурак», «глупец», «идиот», «кретин» относительно мягкие, ослабленные инвективы – бранные слова, использование которых в от-

ношении других лиц, свидетельствующее об уничтожении последних, приносит говорящему ощущение некоего удовлетворения по случаю собственного интеллектуального превосходства: *Пока можно кинуть ему, голодному, кость в виде музыки Александрова – а он, дурак, и радуется, и грудь впалюю выпячивает!* (Голубничий).

В русской культуре к дуракам относятся сочувственно, считая их обиженными Богом или неразумными в силу малого возраста. Очевидно, по этой причине слово «дурак» (в отличие от слов «глупец», «идиот» и «кретин») в позиции обособления способно передавать различные оттенки положительного отношения говорящего к протагонисту оцениваемого события – сочувствие и любовь, чаще всего в ее русской разновидности – жалости [4], а также фундаментальную, по мнению Эриха Фромма, составляющую любви – заботу: *Я, Клэрочка, потому попросил вас остаться, что хочу серьезно поговорить о нашем хранителе, – сказал директор, смущаясь и не глядя на нее. – Ведь, кроме вас, у него, дурака, никого нет* (Домбровский); *Многие убеждены, что я просто жалею его как бывшего детдомовца, сироту: дескать, прогнала б, дурака, да некуда* (Белкина). Поскольку дураки в силу своей неразумности «не ведают, что творят», они заслуживают снисхождения – их сомнительные поступки оправдываются и прощаются: *Но ведь Антон, дурак, так хотел легкой добычи для всех!* (Симонова). Наконец, в том случае, когда дурак получает за содеянное заслуженное наказание, обособленный предикатив передает чувство, которое можно назвать радостью по поводу чужого несчастья – злорадством: *Так ему, дураку, и надобно, – еще по щекам будет бить; как бы родство-то свое больше уважал да почитал, так бы не то и было!* (Писемский).

Особенности употребления предикатных существительных интеллектуальной оценки в нерелексивных контекстах в позиции обособленного определения протагониста во втором лице в большинстве случаев совпадают с особенностями их употребления в третьем лице. Из числа положительных эмоций они передают эмоции «карикативного» толка – любовь, жалость, сочувствие и заботу: *– Я же тебя люблю, дурак ты этакий, – сказала она задумчиво, – мне будет очень трудно тебя потерять, а ты этого не понимаешь* (Домбровский); *Самвел, мой дорогой, единственный, я тебя так люблю, дурака бестолкового, что мне некогда думать, как ты меня любишь* (Щербако-

ва). Передают они прощение и извинение: *Да и мне он не нравится. Тебя, дурака, я прощаю. Не от широты души, а потому что ты дурак* (Дивов); *Мне такие бабы, как ты, ни разу не попадались. Тань, прости меня, дурака* (Анчаров). Передают они и злорадство: *Ему говорили, хлопая по спине: – Мало тебе, дураку, правое слово, мало. Послали караулить, а он дрыхнет, гад* (Вольнов).

Тем не менее в контекстах второго лица в речевом употреблении обособленных предикатных существительных интеллектуальной оценки уже появляется значение такого сложного эмоционального состояния, как обида, в семантический состав которого входят ощущение несправедливости, жалость к самому себе и претензия к другому [7, с. 275; 8, с. 192]: *– Ну, ну, – обиделся Морозов, – о тебе, дураке, забочусь* (Гранин). Здесь же появляется такой эмоционально нагруженный речевой акт, как упрек, которым говорящий субъект выражает свое недовольство поведением адресата. Отличие упрека от осуждения и порицания заключается в специфических социально-коммуникативных условиях, при которых он осуществляется: упрек предполагает определенную степень близости коммуникантов (любовные, дружеские или семейные отношения), отсутствие категоричности осуждения и иногда чувство обиды, вызванное у субъекта обманутыми ожиданиями относительно себя: *– Я, – говорит, – тебе, дураку, счастья хочу, а ты нос воротить* (Короленко); *Неудобно, девочка хорошая, вон как из-за тебя, дурака, страдает* (Запашный).

В рефлексивных контекстах употребления предикативных существительных в позиции обособления субъект оценки совпадает с протагонистом оцениваемого события, и эта обращенность интеллектуальной оценки на самое себя, как представляется, способствует появлению здесь специфических и достаточно сложных по своему семантическому составу эмоциональных состояний. В том случае, если наступление оцениваемого события особенно не зависит от воли субъекта и его интеллектуальных усилий, обособленные предикативы, как и в непрямых контекстах, передают эмоцию общего негативного отношения субъекта к этому событию – недовольство и неудовольствие: *«Пропал старик, и я, дурак, пропал вместе с ним», – решил референт* (Домбровский). Если оцениваемое событие, протагонистом которого является субъект речи, связано с нарушением каких-либо норм, то речь идет уже об актах самоосуждения и самопори-

цания и соответствующих «слабых» эмоциях: *Но мы, дураки, ставим его к законодательной работе и этим портим, губим и его, и работу* (Овруцкий); *Летела, подхватив подол. Я напугал ее, дурак. Теперь нужно было догонять* (Солдатенко).

Предикативные существительные здесь могут отсылать к акту добровольного самоуничижения, преуменьшения своих интеллектуальных способностей: *В диалогах с Аксеновым даже мне, дураку, стало ясно, что лучше бы этого интервью было не давать* (Рецептер); *И вот что интересно: ну ничему же меня, дурака, жизнь не научила* (Столица. 1997. 11 нояб.). В то же самое время это самоуничижение может быть ироничным, всего лишь попой: *Только вот мне, дураку, пока ничего не ясно* (Данилюк); *Виноват, но объясните мне, дураку, почему ваш дон Гуан без шапки, зато в пальто и в котелке* (Юзефович).

И наконец, поза самоуничижения также часто сопровождает просьбу о прощении: *«Дорогая мамочка, – писал он на листочке бумаги в клетку, – прости меня, дурака»* (Донцова); *Но вы уж простите меня, дурака, не все понял, ну, просто-таки ничего не понял* (Рецептер).

Если же субъект диктального события (он же субъект оценки) до наступления этого события на что-то рассчитывал или чего-то опасался, то появление обособленного предикатного существительного говорит о его разочаровании или облегчении соответственно: *И я, дурак, верил, что ты можешь!* (Домбровский); *А я-то, идиот, боялся, что он меня отругает!* (Белоусова).

В прямооценочных контекстах предикатные существительные передают такую специфически рефлексивную эмоцию, как сожаление. В сожалении к сознанию невосполнимости потери и необратимости какого-либо события присоединяется невыполнимое желание реализации альтернативной ситуации, которая представляется лучше по сравнению с осуществившейся [3, с. 89; 7, с. 97]: *А сидящий будет продолжать свои речи: – Эх я, дурак! Зачем, зачем я не улетел с нею?* (Булгаков); *Жаль, что я не пошел с тобой, так, дурак, и простоял у машины* (Чижова). В том же случае, когда сожаление субъекта вызывается не просто его неумным действием или поступком, а проступком как нарушением каких-либо моральных норм, оно принимает вид раскаяния [7, с. 102]: *«Прости меня, – было написано. – Я дурак, что расстался с тобой. Вся*

моя жизнь пошла наперекосяк после этого» (Новикова).

Еще одна специфически «рефлексивная» эмоция, которую достаточно часто передают обособленные предикатные существительные, выглядит как досада. В отличие от сожаления и раскаяния досада – эмоция сильная, проявляющаяся в виде агрессии, направленной обычно на самого себя [9, с. 158]. Как представляется, присутствие в словарных толкованиях досады лексемы «обида» отнюдь не случайно: досада – это своего рода обида на самого себя, поскольку ее субъект считает, что поступок, который он совершил, не соответствует его обычным интеллектуальным возможностям, и он мог бы предусмотреть вытекающие из ситуации неприятные последствия: *Мы, дураки, пошли сначала в том, в чем обычно ходим, а я еще даже надел чистое пальто, так мы вышли оттуда все измазанные, грязные, обсыпанные, – как с того света* (Коршунов-Терехова).

Итак. Интеллектуальная оценка в семантике предикативов «дурак» и «глупец» в контекстах их речевого использования конкретизируется и осложняется рефлексом этической и дезидеративной оценок, а также разнообразными вторичными эмоциями, переживаемыми ее субъектом, конкретный характер которых зависит от множества семантических и коммуникативных факторов.

Предикатные существительные отрицательной интеллектуальной оценки в позиции обособления в непрямых контекстах речевого употребления передают эмоцию общего негативного отношения субъекта к некоему событию, которая может «встраиваться» в ментальные акты осуждения и порицания. Это относительно мягкие инвективы, использование которых в отношении других лиц, свидетельствующее об унижении последних, приносит говорящему ощущение удовлетворения по случаю собственного интеллектуального превосходства. В русской культуре к дуракам относятся сочувственно, и, очевидно, по этой причине слово «дурак» в позиции обособления способно передавать различные оттенки положительного отношения говорящего к протагонисту оцениваемого события – сочувствие и любовь, чаще всего в ее русской разновидности – жалости, а также фундаментальную составляющую любви – заботу. Поскольку дураки не ведают, что творят, их сомнительные поступки оправдываются и прощаются. В том же случае, когда дурак получает за содеянное заслуженное наказание, обособленный предикатив передает чувство, которое можно назвать злорадством.

В контекстах второго лица в речевом употреблении обособленных предикатных существительных отрицательной интеллектуальной оценки появляется значение обиды, в семантический состав которой входят ощущение несправедливости, жалость к самому себе и претензия к другому. Здесь же появляется такой эмоционально нагруженный речевой акт, как упрек, отличие которого от осуждения и порицания заключается в специфических социально-коммуникативных условиях, при которых он осуществляется, – упрек предполагает определенную степень близости коммуникантов, отсутствие категоричности осуждения и иногда чувство обиды, вызванное у субъекта обманутыми ожиданиями относительно себя.

В прямооценочных контекстах предикатные существительные передают такую специфически рефлексивную эмоцию, как сожаление, в семантике которого к сознанию невосполнимости потери и необратимости какого-либо события присоединяется невыполнимое желание реализации альтернативной ситуации. В том же случае, когда сожаление субъекта вызывается не просто его неумным действием или поступком, а проступком как нарушением каких-либо моральных норм, оно принимает вид раскаяния. Еще одна специфически «рефлексивная» эмоция, которую здесь достаточно часто передают обособленные предикатные существительные, выглядит как досада – эмоция, проявляющаяся как агрессия, вызванная обидой на самого себя.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
3. Воркачев С.Г. К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке // Вопр. языкознания. 1990. № 4. С. 86–92.
4. Воркачев С.Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (2): любовь-жалость // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 33–40.
5. Воркачев С.Г. Lumen natural: аксиология интеллекта в языке. М.: Флинта, 2017.
6. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
7. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 273–289.

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.03.2017).

9. Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008.

* * *

1. Apresjan Ju.D. *Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisaniya* // Integral'noe opisaniye jazyka i sistemnaja leksikografija. M.: Jazyki russkoj kultury, 1995.

2. Arutjunova N.D. *Tipy jazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt*. M.: Nauka, 1988.

3. Vorkachev S.G. K semanticheskomu predstavleniju deziderativnoj ocenki v estestvennom jazyke // Vopr. jazykoznanija. 1990. № 4. S. 86–92.

4. Vorkachev S.G. Diskursnaja variativnost' lingvokoncepta (2): ljubov'-zhalost' // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2006. T. 65. № 2. S. 33–40.

5. Vorkachev S.G. *Lumen natural: aksiologija intellekta v jazyke*. M.: Flinta, 2017.

6. Dodonov B.I. *Jemocija kak cennost'*. M.: Politizdat, 1978.

7. Zaliznjak Anna A. *Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija*. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. S. 273–289.

8. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 21.03.2017).

9. Stefanskij E.E. *Jemocional'nye koncepty kak fragment mifologicheskoy i sovremennoj jazykovykh kartin mira (na materiale konceptov, oboznachajushhih negativnye jemocii v russkoj, pol'skoj i cheshskoj lingvokul'turah)*. Samara: Samarskaja gumanitarnaja akademija, 2008.

Intellectual evaluation and emotions in communicative structure of statement

Functioning of the signs of the negative intellectual evaluation in the position of a parenthesis is researched on the basis of the corpus linguistics. It is stated that the intellectual evaluation is complicated by the ethical reflexes and desiderative evaluations, as well as various secondary emotions, the specific nature of which depends on the type of the communicative context.

Key words: *intellectual evaluation, secondary emotion, parenthesis, communicative context.*

(Статья поступила в редакцию 19.04.2017)

Т.В. УСТИНОВА
(Омск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИ ОПОСРЕДОВАННАЯ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСХОДНОГО СООБЩЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Явление выразительной асимметрии языков оригинала и перевода рассматривается с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. Показано, что текст перевода представляет собой иноязычно объективированный вариант преобразованной ментальной модели исходного текста. На примере стихотворения А. Драгомощенко и его перевода разбираются случаи концептуальной эквивалентности и неэквивалентности соотносящихся отрезков смыслового содержания.

Ключевые слова: *когнитивное переводоведение, поэтический перевод, образность, конструал, лингвокреативность*

С позиции когнитивно-дискурсивного подхода перевод представляет собой эвристическую речемыслительную деятельность – «эвристический процесс объективации средствами языка перевода мыслительных структур, сформированных в сознании на базе исходного текста» [5, с. 231]. С такой точки зрения объектом отражения в переводе выступает не реальная действительность, а ее образ, т.е. идеальный конструкт (ИТ), созданный сознанием автора исходного текста: «Переводчик не воспроизводит вторично действительность, уже воспроизведенную однажды автором оригинала, он воспроизводит систему смыслов, заключенную в оригинале, средствами иной семиотической системы» [2, с. 354].

Смысловое пересоздание оригинала подразумевает альтернативную – опосредованную другим языком – концептуализацию явления / события, воплощенного в исходном поэтическом образе [18; 20; 21]. В когнитивной лингвистике понятие образности (imagegy) является одним из ключевых для описания процессов смыслообразования (в том числе языкового) [16]. Образность, понимаемая в широком смысле как «психологический процесс формирования в человеческом сознании не-